

Династия врачей

Медицинский стаж работы семьи Елькиных составляет 165 лет

Родоначальник династии Евгения Николаевна Елькина-Палий родом из города Горького, получила блестящее воспитание в семье. Ее мать Вера Петровна училась в Петербургском институте благородных девиц, знала два иностранных языка, преподавала в гимназии немецкий язык и отлично владела кулинарией. Отец Николай Палий – опытный металлург, работал в институте, занимался сплавами. В 1937 году был арестован по 58-й статье («политически неблагонадежный»).

В 30-е годы Евгения Николаевна окончила Горьковский медицинский институт, работала в госпитале города Оша, там после войны встретила своего будущего мужа Михаила Георгиевича Елькина. Он находился на реабилитации после немецкого плена, врачи не надеялись, что выживет. Она его выхолдила, подняла на ноги.

Однажды Михаил Георгиевич попросил разрешения прийти к ней домой познакомиться с детьми, у Евгении Николаевны были дочь и сын. Впоследствии он дал им свою фамилию и воспитал как родных, своих детей у него не было. Сын Евгении Николаевны Игорь отлично рисовал, а дочь Вера играла на фортепиано, с отличием окончила школу, потом Московский архитектурный институт. Сейчас она живет на Кипре, ей 80 с лишним лет.

В 1953 году семья Елькиных переехала в Прокопьевск, где жили родители Михаила Георгиевича.

— Это была образцовая семья советской интеллигенции, — вспоминает сноха Галина Ивановна Елькина, вдова Игоря Михайловича. — Михаил Георгиевич очень любил Евгению Николаевну. Это были две противоположности. Он — человек-вулкан, творческий, взрывной, эмоциональный. Она, строгая, сдержанная, его уравновешивала. Поначалу супруги жили в небольшом финском домике на Красной Горке.

Евгения Николаевна работала в отделении травматологии Белой больницы, потом перешла в травмпункт на улице Фасадной (пр. Шахтеров), где ныне городской краеведческий музей. В 1957 году с открытием областной травматологии ее пригласили на должность заведующей травматологическим отделением на 120 коек. Это было время высокого производственного травматизма.

В приемное отделение везли пострадавших шахтеров прямо из забоев, в пыли, в касках с зажженными лампочками. Им оказывали помощь, многих сразу отправляли на операционный стол. Евгения Николаевна приходила на обход и буквально под каждым больным проводила рукой: нет ли крошек (дабы исключить пролежни).

В отделении был идеальный порядок.

В жизни Евгения Николаевна была добрым, справедливым, отзывчивым человеком и хлебосольной хозяйкой. Готовила так, что пальчики оближешь.

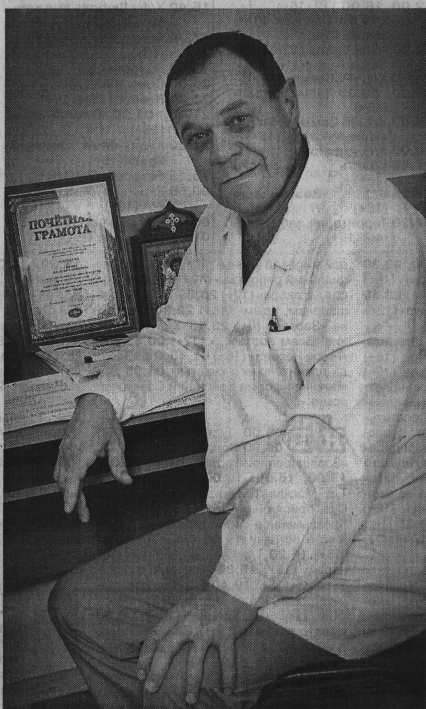
Михаил Георгиевич преподавал в школе историю и давал детям блестящие знания. Впоследствии основал в городе краеведческий музей. Евгения Николаевна стояла у истоков развития травматологии в Прокопьевске.

Два ее внука, мои сыновья, пошли по стопам бабушки. Старший Миша учился в 10-м классе, когда Евгения Николаевна устроила его санитаром в санпропускник: мыл больных, поступавших в отделение. И говорил, что ему нравятся запах больницы. Младшего Володю бабушка брала на операции, не очень сложные. И хотя сначала братья не проявляли особого интереса к медицине (были увлечены лесом, рыбалкой — это от отца), вскоре поняли, что не могут жить без нее. Оба окончили Кемеровский медицинский институт. Старший Михаил уехал в Алейск, долгое время работал главным врачом в городской санэпидстанции, вышел на пенсию, будучи военврачом. Его жена Марина и дочь Катя — врачи-эпидемиологи, а сын Денис, мой внук, стал травматологом-ортопедом.

Владимир, младший из братьев Елькиных, уже 31 год работает в областной клинической ортопедо-травматологической больнице восстановительного лечения. Когда закончилась очередная операция, мы встретились, чтобы поговорить о династии Елькиных.

— Бабушка направляла меня по жизненному пути, — признался Владимир Игоревич. — С удовольствием вспоминаю, как школьником приходил к ней в отделение, знал близко все ее окружение. В ее квартире на улице Вокзальной, 38 я живу в настоящее время. Это бывший дом врачей. Его построили и сдавали одновременно с открытием травмбольницы в 1957 году. Там давали квартиры сотрудникам больницы, сейчас из врачей остался я один.

В свой день рождения бабушка обычно пекла пироги и торты, накрывала богатый стол и приглашала

Владимир Игоревич Елькин.

своих любимых учеников Бориса Гольдмана и Николая Водянова — будущих корифеев травматологии. И все разговоры за столом велись только о медицине. Это были глыбы, сильные личности, которые с почтением относились к бабушке и называли ее своим учителем. Каждому из них она дала распределение: «Ты, Коля, будешь заниматься кистью, а ты, Борис, — стопой». Так на протяжении жизни они шли своим путем. Борис Львович впоследствии уехал в Израиль, а Николай Михайлович до конца дней своих работал в этом направлении.

В 1984 году бабушки не стало, я вернулся в Прокопьевск после окончания Кемеровского медицинского института, мне было 23 года. И Николай Михайлович Водянов стал моим учителем. Он уже был главным врачом больницы, всегда направлял нас, молодых, на самые лучшие, самые значимые конференции, наставлял и давал путевку в жизнь. Так я продолжил путь, начатый бабушкой, за что ей благодарен.

С 2002 года заведую отделением, которое она когда-то возглавляла. Я окончил педиатрический

факультет, и меня определили в детское ортопедическое отделение под руководством Николая Степановича Силицы. Пришел 13 августа 1985 года, а ровно через месяц, 13 сентября, Николай Степанович доверил мне сделать первую операцию — удлинение ахиллова сухожилия у ребенка с детским церебральным параличом. Под чутким руководством доктора операция прошла благополучно.

Когда открылось отделение экстренной хирургии, меня перевели туда. Потом взяли на должность заведующего ортопедотравматологическим отделением. Сама судьба так распорядилась. За 31 год ни разу не возникло желания поменять профессию, считаю, что я на своем месте, и без этой профессии, пожалуй, не чувствовал бы себя полноценным человеком.

В хирургии сразу виден результат. Выполнил операцию — на следующий день человек встал, начал передвигаться. Сначала на костылях, потом без посторонней помощи. Это сыграло решающую роль в выборе профессии.

— Сколько часов идет операция?

— По-разному. Когда начинала развиваться мик-

рохирургия, было, и по двенадцать часов длилась операция. За тридцать с лишним лет овладели всеми доступными методиками. Широко занимаемся эндопротезированием крупных суставов: коленных, тазобедренных, локтевых, причем упор на высокотехнологичную помощь. Сегодня на территории Гурьевска, Тисуля, Тяжина практически не осталось травматологов. Весь поток больных переключился на нас. Семь-девять операций в день, идет непрерывный конвейер. И хотя поток больных растет, в каждую операцию вкладываешь частичку души.

Ситуации разные, приходится импровизировать. Да, есть стандарты, но в основном каждый больной — это индивидуальность. Всегда есть широкое поле для творчества. Человек, которому заменили сустав, находится под наблюдением. Мы отслеживаем его состояние через полтора-три месяца, затем через полгода-год, а если больной уже не обращается, значит, у него все хорошо.

— Владимир Игоревич, что для вас больница?

— Это моя вторая жизнь, нахожусь здесь больше, чем дома.

Горжусь, что дочь Евгения, мы назвали ее в честь моей бабушки, выбрала эту профессию, учится на четвертом курсе в Кемеровской медакадемии. Летом, когда приезжает на практику, стоит вместе со мной за операционным столом, ассистирует, а в общем-то запал такой — был ортопедом-травматологом и только. Пришла к этому убеждению тем же путем, что и я.

Был случай. Женя училась в шестом классе. У нас кошка родила котят. У одного котенка — пупочная грыжа. «Ну что, Женя, прооперируем в домашних условиях?» — предложил я. — «Давай, папа». Принес крючки, скальпель, котенку дали наркоз. Сделал пластику грыжевых ворот, ушил, дочь держала крючки, наложили швы. Котенок успешно перенес операцию и вскоре бегал, как ни в чем не бывало. Дочка была счастлива. Это ее первый опыт в качестве ассистента.

Профессия травматолога — это тяжелый физический труд. У меня в отделе-

Евгения Николаевна Елькина.

нии пять врачей и все мужчины, за операцию до полутора килограммов веса теряешь.

Меняются медицинские технологии. Если раньше широко использовались аппараты Илизарова, то сейчас для остеосинтеза применяем специальные штифты и всевозможные пластины, чего раньше никогда не было. А был Беловский радиозавод, где мы заказывали пластины по нашим рисункам, также их делали на ПЗША. Сколько больных на титановых пластинах встали на ноги! Сейчас это кажется пренебрежительным, за все берется, в нем я вижу достойную смену.

Сегодня со мной в отделении работает племянник Денис, сын Михаила Игоревича, правнук Евгении Николаевны. Уже восемь лет мы вместе. Очень перспективный, за все берет, в нем я вижу достойную смену.

На днях был случай. В приемное отделение поступил больной — ножевое ранение в грудь. Давление упало. Времени на обследование нет. Денис Михайлович мгновенно принимает решение — делать операцию. После остановки кровотечения у больного появился пульс. Он поправился и ушел от нас домой своими ногами.

Что характерно, идешь по улице, всегда узнаешь своих пациентов. Они нас не помнят, но есть удовлетворение — мы подарили им жизнь.

А наша идет своим чередом. Четыре операционных дня в неделю — пять-шесть часов у операционного стола. Плюс пять-шесть дежурств в месяц. А значит, доктор живет в больнице.

У меня сохранились отчеты бабушки Евгении Николаевны — итоги работы отделения за год. Несравнимо с сегодняшним днем ни по количеству больных, ни по тактике лечения.

— Иногда приходится слышать от врачей про некий «синдром выгорания».

— Меня пока это не коснулось, не нарабатался еще. Я востребован и не могу жить без своей работы.

Нина ЗАСАДНАЯ,
Николай БАБАРИЦКИЙ
(фото)